

АРМИЯ

Венок сонетов

Валентин Штубов

1

Да! Армия была для нас дурдом.
А ведь мечталось вроде бы о «школе».
Но знанья здесь мы постигали лбом,
Разбитым до сердечной долгой боли.

Задуматься об этом мне легко ли? –
Как будто поутру проспать подъем.
...Встаём! Ну, слава Богу, что встаём!
А то во сне привиделось та-а-кое... –

Как будто нас, подбодрив матерком,
В такую гонят лютую атаку,
В какой пыряют вовсе не штыком,
Но – словом! Нагоняя миру мрака,
И превращая жизнь в один содом.
И, право слово, дать хотелось тягу.

2

И, право слово, дать хотелось тягу:
Вот лейтенант, комвзвода Соловей
Глумится над тетрадкой моей.
И чтобы врезать – нет руке размаха.

А вот службист с фамилией Бабий
Швыряет в грязь мои тетрадки, книги:
Они ему в лицо – такие фиги!
На заповедь плюёт он «Не убий».

Мы для него – конечно, только пыль,
Прижатая блестящим сапогом.
...Но мы-то б ы л ь, дурак! Ты слышишь, б ы л ь!

Ты нам уже не скажешь: «Марш бегом!».

Ты и другие стали глупым сном.
...Ну вот – мы по Владимиру идём.

3

Ну вот – мы по Владимиру идём.
Под Золотые входим мы ворота.
Нет «золота». И «меди» мало что-то...
Есть жесть команд «Направо!» и «Кругом!».

В Ленкомнате нас учит особист –
Что на погонах крылышки – для виду.
«Ракетчики вы! – со значеньем выдал! –
Но никому не издавайте писк
О том ни в письмах, да! И даже в м ы с л я х.
Иначе знайте: это – трибунал!».

...И нам письмо бедняги прочитал,
Какой сболтнул, стал от тюрьмы зависим.
Нагнал, короче, нам такого страху!
Мы ёжились, таращились, тряслись
И – одевали «крылышками» мысль:
«Мы – лёгкая команда лишь! – клялись. –
Хвосты заносим самолётам лишь,
Юнцы, ещё не вжатые в присягу».

4

Юнцы, ещё не вжатые в присягу,
Мы знали больше «нужного», да-да...
И за других краснели от стыда,
Кто просвещал озябшего салагу:

– Ты понимаешь? Мы б должны служить
В Даурии. Да выдал гад Пеньковский
Значенье и расположение войска!
И стали нас под Орск перевозить.

...И вот мы гордо приняли присягу.
И замерли под знаменем полка.

И мысль была значеньем висока:
«Америке уж мы нагоним страху!
Она о нас не ведает пока...».
Нам говорят уже: «Прибавьте шагу!».

5

Нам говорят уже: «Прибавьте шагу!»
И каждый уж «обжил» противогаз.
Стал кем-то вроде ящера сейчас.
...И вот бежим мы, якобы, в атаку.

Со стороны когда глядеть на нас –
Как будто *ископаемые* мчатся!
Но стали вновь людьми... Какое счастье!
В казарме столько точим новых ляс!

Про девочек, конечно, про погоду.
Приёмничек любой из нас припас:
Ведь что там, за бугром, узнать охота.
...Но вдруг поотобрали... вот те раз!

«Устав читайте. Вот ваш звук. Ваш том.
Раздумия оставив на потом».

6

Раздумия оставив на потом,
Мы продолжали всё ж «крамольно» думать:
«Ведь надо же Америке так дунуть
В казармы наши знобким ветерком:

Ведь прохрипел приёмничек о том:
Мол, с новыми сигарами под Орском
Мы поздравляем «русское геройство».
...Аж сам комдив издал звериный стон!

И особист растерянным котом
Следить на время бросил за «мышами»:
Америка, ну как бестселлер-том,
Листает нашу жизнь и наше знамя!
Да это с неба ясного ведь гром!

...И вот по Оренбуржью мы идём.

7

И вот по Оренбуржью мы идём.
На боевое стали мы дежурство.
И особист – очнулся... Стало жутко.
И выступил опять перед полком:

– А ну-ка, рядовой Серебряков!
Из строя на три шага выйти, выйти!
...Ишь, как в словах вы поднабрались прыти!
Ч т о накатыл домой средь пустыков?..

...Мол, Машка, загуляла ты с другим.
А если б ты узнала, б...ь, бедняга,
Г д е я служу! Качну перстом одним –
Твоя деревня станет дымом-прахом!

Мы, хохотнув, опять скорбим-грустим.
Ракетами на мир нагоним страху.

8

Ракетами на мир нагоним страху!
Когда они гремят – земля дрожит!
Мурашками покрыться мир спешит!
Мы доконаем ведь его, беднягу!

...Ведь замполит в Ленкомнате сказал,
Что «миру—мир» – то лишь для дипломатов.
А мы не зря наращиваем атом –
Чтоб враг когтями первым нас взял.

...Вот оно как! И Чехов ведь сказал:
– Не зря ружьё на стенке! Не запрятано!
Ведь выстрелит!.. Он тоже это знал.
Всё определено и предугадано!
И классика толкнул на скандал!
«Идут полки рожденья сорок пятого»!

9

«Идут полки рожденья сорок пятого»¹ –
Слегка пошалевшие юнцы.
Про нас горланят песню... Молодцы!
А мы идём средь зноя распроклятого.

Он выжигает что в душе запрято –
Всю нежность, всю любовь и даже честь.
Не успеваем духа перевести.
Идут куда-то «меченые атомы».

... Что «за бугром»? Вьетнам в огне-пыли.
В Китае – потасовка... Не дремли.
В Израиле вон тоже мина спрятана.
Рябит спина у матушки-Земли!
«Идут полки рожденья сорок пятого...».

Мы до Афганистана не дошли.

10

Мы до Афганистана не дошли,
Но – кто до трибунала иль психушки.
Сейчас об этом вроде вспомнить скучно.
Но сны опять в огне, в дыму, в пыли.

... Ведь рядом с нами рухнул Комаров!
Он, перед тем как рухнуть, матерился,
Что чуть ли он *не в той* стране родился!
Ей лакомство его, выходит, кровь.

«Подстроено», – вдруг слухи побрели.
И прах его слезой обжёт Гагарин.
... Ах, этого мы видеть не могли!
Но и до нас донёсся запах гари.

Нам утереться, нет, не предлагали.
На стрельбищах нам говорили: «Пли!».

---

¹ Это – строчка из песни, которую во время нашей службы пел Марк Бернес – популярный певец, вкладывающий душеспасительность в любые бочки советской рутин, включая армейскую (прим.ред.).

11

На стрельбищах нам говорили: «Пли!»
Куда? В макет-подобье человека.
...Ах, я такой был в этом неумеха!
Ж и в ы м я представлял его вдали.

«Стреляй как я!» – солдат с плаката звал –
Румяньский такой, такой «обкатанный»!
А он в живого или в макет стрелял?...

Нам всюду жить под пулями-снарядами,
Выходит, надо?.. Я ж другое знал:
Не то, к чему Толстой нас призывал –
«Непротивление злу»... Нет! Биться с гадами,
Конечно, надо! Это не скандал.
И мы стреляли, «меченые атомы».

12

И мы стреляли, «меченые атомы»,
Воображая: лупим в подлость, в зло.
И – в смерть саму! Вот как нам повезло!
Нам отвечают гулками раскатами.

У них оружие нашим не чета
Ни автоматам и ни карабинам.
Вот уж они в ответ не лупят мимо!
Но мы сжимаем губы: «Ни черта!
Прорвёмся, обязательно прорвёмся!
Пойдём на дембель, целыми вернёмся!
Как говорится, это кровь из носу!
В бою за жизнь победа высока!».

Нас не убили, не лишили роста
Три года – автоматных три хлопка.

13

Три года – автоматных три хлопка.

Неужто были так они поспешны?..
Сейчас они и глупы, и потешны,
Как три хлопка в руке у дурака.

Америка хваталась за бока!
Она всю нашу «мощь» пересчитала.
И – новые нацеливала жала.
Три на одно! Но это лишь пока...

Какая «тайна»?.. Да она пропала,
Едва родившись, словно «сын полка».
И как-то сразу «выкидышем» стала!

Жила уже в подобье матерка.

Три года – автоматных три хлопка.
Но память вот о них не коротка.

14

Но память вот о них не коротка –
Об оренбургских смерчах и буранах.
И о степных засушенных тюльпанах.
К ним привела венка сего строка.

Ещё, конечно, и о самоволках.
Ходили с Лёшей Гошмером мы в них.
Стихи читали с толком и без толку.
Девчонки нас считали за родных.

Да! Жизнь вели тогда вразрез армейской.
Настаивали всё же на своём.
Ловили нас, наказывали с треском!
Нам было это даже интересно –
В дурацком круге быть прямым углом.
Да! Армия была для нас дурдом.

15

МАГИСТРАЛЬ

Да! Армия была для нас дурдом.

И, право слово, дать хотелось тягу.
Ну вот – мы по Владимиру идём,
Юнцы, ещё не вжатые в присягу.

Нам говорят уже: «Прибавьте шагу,
Раздумия оставив на потом».

И вот – по Оренбуржью мы идём.
Ракетами на мир нагоним страху.
«Идут полки рожденья сорок пятого»...
Мы до Афганистана не дошли.
На стрельбищах нам говорили: «Пли!»
И мы стреляли, «меченые атомы».

Три года – автоматных три хлопка.
Но память вот о них не коротка.

28 июня – 2 июля 2002